

Е. М. Какзанова
Москва, Россия

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА В МОНОГРАФИИ ИЗАБЕЛЫ КУЯВЫ
«ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК ПРЕДМЕТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА
НА ПРИМЕРЕ ДЕБАТОВ ОБ ИНТЕГРАЦИИ В ГЕРМАНИИ В 2006—2010 ГГ.»**

АННОТАЦИЯ. Рецензия на монографию Изабеллы Куявы «*Политический дискурс как предмет лингвистического анализа на примере дебатов об интеграции в Германии в 2006—2010 гг.*» (Kujawa Izabela. *Der politische Diskurs als Gegenstand der linguistischen Analyse am Beispiel der Integrationsdebatte in Deutschland 2006/2010 // Danziger Beiträge zur Germanistik. Band 46. Frankfurt am Main : Peter Lang GmbH, 2014. 234 S.*). Рецензия знакомит русскоязычных ученых со взглядами германиста на интеграционный дискурс. Цель исследования автор монографии видит в обозначении дискурсивной картины мира, понимаемой как интерпретация реальных событий; методологией являются качественный и количественный анализ газетных и журнальных текстов с 2006 по 2010 г. В монографии исследуется интеграционный дискурс — макродискурс общего дискурса эпохи мультикультурализма, включающий несколько микродискурсов, или интердискурсов (дискурс ислама — дискуссии о роли мусульман в Германии, дискурс доминирующей культуры, дискуссии о взглядах немецкого политика Тило Саррацина). Материалом для исследования послужили 150 газетных текстов (редакционные статьи, комментарии и очерки об интеграции). Разбираются основные метафорические модели, характерные для отдельных текстов (модель принятия; модель решения; модель отказа). Лексический анализ охватывает три вида единиц: ключевые слова, политические лозунги и окказионализмы. Исследование, которое провела Изабелла Куява на немецкоязычном материале, можно экстраполировать на любой другой язык, использующийся в тех странах, которые так или иначе затронуты проблемами, связанными с мигрантами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс; политическая лингвистика; интеграционный дискурс; интертекстуальность; дискурсивная картина мира; рецензии.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Какзанова Евгения Михайловна, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов; 117198, Россия, Москва, ул. Милухина-Моклая, 6; e-mail: em@kakzanova.ru.

Рецензируемая монография представляет собой переработанную диссертацию автора. Это помогло И. Куяве четко выделить во Введении (стр. 15—18) предмет анализа (политический дискурс); цель исследования, которую автор видит в обозначении дискурсивной картины мира, понимаемой как интерпретация реальных событий; методологию (качественный и количественный анализ газетных и журнальных текстов с 2006 по 2010 гг.).

Монография состоит из двух частей — теоретической и эмпирической. Всего в монографии восемь глав — пять в первой части и три во второй. В первой части автор останавливается на понятии дискурса, этимологии и многозначности этого термина, затрагивает теорию дискурса Хабермаса и постструктуралистского дискурса Мишеля Фуко (глава 1, стр. 20—34). Во второй главе дискурс рассматривается сквозь призму лингвистики. Подходя к дискурсу с лингвистических позиций, автор совершенно справедливо идет к дискурсу от текста, противопоставляя понятию «лингвистика текста» понятие «лингвистика дискурса» (Textlinguistik vs. Diskurslinguistik, стр. 35). Не используя понятие «лингвистика дискурса», Н. Д. Арутюнова в свое время отмечала, что анализ дискурса и лингвистика текста образуют близкие, а многими и отождествляемые области лингвистики [Арутюнова 1990: 136]. Как известно, в конце 70-х — начале 80-х гг. наметилась тенденция к размежеванию понятий «текст» и «дискурс», проистекающая из их постепенной дифференциации. И. Куя-

ва утверждает, что текст и дискурс различаются в соответствии с критерием речевой ситуации: в дискурсе гарантируется присутствие (Korpräsenz) коммуникантов в общем пространстве восприятия, в тексте же отсутствует единство автора и реципиента в общей ситуации восприятия, что, на наш взгляд, звучит не очень убедительно.

Далее И. Куява отмечает, что только дискурс делает возможным существование текстов. При этом каждый дискурс состоит из множества текстов, которые объединены одной общей темой. Если вдуматься, говорит Е. С. Кубрякова [Кубрякова 2004: 528], какая часть наших знаний приходит к нам через тексты, — а за каждым текстом стоит дискурсивная деятельность отдельно взятого человека или же группы людей, — становится понятным, насколько важно исследование дискурса как отраженного в письменном виде и приобретающего форму текста/текстов.

Лингвистика, которая выходит за пределы изучения единичных текстов, которая всё чаще занимается дискурсами и их эпистемическим содержанием, требует стирания границ (Entgrenzung) между своими областями исследования. Ссылаясь на И. Варнке [Warnke 2008: 67], И. Куява отмечает, что это стирание границ идет в двух направлениях — внутреннем и внешнем. Внутреннее стирание границ означает, что лингвистический анализ дискурсов выходит за рамки лингвистики текста. Внешнее направление означает, что стираются границы между отдельными дисциплинами, что исследования направлены на анализ единиц других дисциплин.

© Какзанова Е. М., 2017

плин и предметов их изучения. При этом значимым становится окружение дискурса в междисциплинарном аспекте.

Говоря о внутренней структуре дискурса, И. Куява отмечает, что в каждом дискурсе, или макродискурсе, существуют отдельные микродискурсы со своими собственными правилами и границами. Эту же мысль можно встретить и у О. Штеншке и З. Вихтера, которые противопоставляют дискурс как форму макрокоммуникации микрокоммуникативным дискурсивным единицам, входящим в макродискурс [Stenschke, Wichter 2009: 351]. Макродискурс, по мнению И. Куявы, включается в общий дискурс (Gesamtdiskurs) определенного общества конкретной эпохи. При этом два микродискурса и два макродискурса могут частично пересекаться, но никогда не совпадают друг с другом, полагает автор. Чем дальше друг от друга находятся два микро-/макродискурса, чем более различными являются их дискурсивные правила, тем труднее состояться коммуникации между участниками этих дискурсов.

Исследуемый в монографии интеграционный дискурс представляет собой, по мнению автора, макродискурс общего дискурса эпохи мультикультурализма и состоит из нескольких микродискурсов, или интердискурсов, в частности:

– дискурса ислама (Islam-Diskurs), или дискуссий об исламе, т. е. дискуссий о мусульманах в Германии, вызванных эпохальным высказыванием бывшего президента ФРГ Кристиана Вульфа (Christian Wulf) «Ислам принадлежит Германии» («Islam gehöre zu Deutschland»), которое уже после выхода в свет монографии И. Куявы повторила и канцлер Германии Ангела Меркель на встрече с премьер-министром Турции Ахметом Давутоглу в Берлине в январе 2016 г.;

– дискурса доминирующей культуры (Leitkultur-Diskurs), или дискуссий о доминирующей культуре, т. е. дискуссий о немецкой доминирующей культуре, противопоставляемой «мультикультуре» в немецком мультикультурном обществе;

– дискуссий о Саррацине (Sarrazin-Debatte), т. е. дискуссий о нарушителе табу немецком политике Тило Саррацине и его книге «Германия — самоликвидация. Как мы ставим свою страну на карту» («Deutschland schafft sich ab. Wie wir unser Land aufs Spiel setzen»).

Третья глава монографии посвящена типологии дискурсов. И. Куява различает два типа дискурсов — дискурс продукта (Produktdiskurs) и дискурс нормы (Normdiskurs). Дискурс продукта подчиняется, по ее мнению, прежде всего закономерностям

рынка. Дискурс нормы контролируется в первую очередь государством, государственными ведомствами, политическими партиями, судами, учреждениями культуры. Автор признает, что в организации дискурса нормы может участвовать и рынок, но не с такой интенсивностью, как в организации дискурса продукта.

Такой подход к типологии дискурса представляется не совсем обычным. Как известно, проблему типологии дискурса в своих работах затрагивали многие российские ученые: В. И. Карасик, В. Б. Кашкин, А. А. Кибрик, Г. Н. Манаенко и др. Наряду с традиционными типами дискурсов (устный/письменный, монологический/диалогический) предлагаются и необычные (перформативный/неперформативный, серьезный/юмористический [Карасик 2009: 298, 320] и др.). С позиций социолингвистики В. И. Карасик выделяет два основных типа дискурса: персональный (лично ориентированный) и институциональный (статусно ориентированный). Скорее всего, дискурс продукта (по терминологии И. Куявы) соответствует персональному дискурсу, а дискурс нормы — институциональному.

Четвертая глава монографии посвящена дискурсивному анализу и перспективам дискурсивных исследований. И. Куява выделяет два направления дискурсивных исследований — лингвоисторическое дискурсивное исследование и критический дискурс-анализ. Автор подробно останавливается на представителях лингвоисторического дискурсивного исследования в германистике — Дитрихе Буссе, Георге Штётцеле и его Дюссельдорфской школе и Инго Варнке. Критическим дискурс-анализом занимаются ученые многих стран. Самым значительным представителем и разработчиком социолингвистической теории критического дискурс-анализа является британский лингвист Норман Ферклаф (Fairclough). Объектом исследования немецкой Дуйсбургской школы и ее самого известного представителя З. Егеря является бытовой расизм (Rassismus im Alltag). К теме расизма обращается и нидерландский дискурсолог Т. А. ван Дейк. Венская школа и ее представитель Рут Водак изучают расизм, антисемитизм и дискриминацию, а также национальную идентичность. Рут Водак вообще занимается политическим дискурсом, парламентскими дебатами и предвыборными речами. Общим для исследования критического дискурс-анализа является вмешательство в социальную и политическую жизнь, лингвистическое рассмотрение социальных и культурных процессов и структур.

Последний параграф главы посвящен

дискурсивному анализу в Польше, поскольку автор монографии И. Куява является германистом, представляющим Гданьский университет в Польше. Отмечается, что появление дискурсивных исследований в польском языкознании относится к концу XX в., чему способствовал перевод труда Т. А. ван Дейка на польский язык [van Dijk 1997; van Dijk 2001]. Заметим, что оформление дискурсивного анализа как дисциплины в России относится к 1970-м гг.

Последняя глава первой части посвящена дискурсу в сфере политической коммуникации, причем мы считаем, что с этой главы следовало бы начать вторую часть монографии. Автор отмечает, что язык политики (мы бы сказали «подъязык») не является ни замкнутой, ни однородной системой, поскольку ориентирован как на специалистов, так и на неспециалистов.

Во *второй части* монографии Изабела Куява сужает политический дискурс до интеграционного дискурса и рассматривает его как предмет лингвистического анализа. При этом анализ дискурса осуществляется на двух уровнях — транстекстуальном и интертекстуальном.

Автор построила свое исследование на 150 газетных текстах — редакционных статьях, комментариях и очерках об интеграции.

Ссылаясь на Х. Бургера [Burger 2005], И. Куява определяет интеграционный дискурс как глобальный информационный текст (мы бы сказали «гипертекст»), который состоит из отдельных информационных текстов с интертекстуальными ссылками. Анализ транстекстуального уровня интеграционного дискурса автор подразделяет на анализ, ориентированный на дискурс (интертекстуальность в дискурсе и языковой контекст), и анализ, ориентированный на игроков (СМИ, представителей политических групп и элит — известных политиков, журналистов). При этом И. Куява считает, что для интеграционного дискурса наиболее значимыми являются два типа интертекстуальности — диахроническая и синхроническая. При диахронической интертекстуальности информационный текст отсылает к одному или нескольким предтекстам (Vortexte), т. е. цитирует другие газетные источники в форме прямой речи, косвенной речи или их комбинации. Синхроническая интертекстуальность определяется как наличие связей между информационным текстом и другими текстами, относящимися к одному времени. Примером синхронической интертекстуальности И. Куява называет интервью, но подчеркивает, что для интеграционного дискурса синхроническая интертекстуальность не

так значима, как диахроническая.

Хотелось бы отметить, что в российском языкознании первым на различие синхронической и диахронической интертекстуальности в тексте указал И. П. Смирнов [Смирнов 1995].

Рассматривая стратегию аргументации в интеграционном дискурсе, И. Куява выделяет три модели:

- модель 1: стратегия принудительного единства;
- модель 2: стратегия формирования чувства угрозы;
- модель 3: стратегия доминирования ведущей культуры над мультикультурой.

Автор отмечает, что для модели 1 типичны многочисленные эвфемизмы, например, *Akkulturationsdruck* вместо *Assimilation*, *sanften Druck ausüben* вместо *zu Integration zwingen* и т. д.

Модель 2 характеризуется многочисленными стереотипами (например, *Einwanderer/Ausländer = Terroristen, Sozialhilfeempfänger, Türken, Araber, Analphabeten, Kopftücher, ein berufstätiger Einwanderer = Obst- und Gemüsehändler* и т. д.), а также неологизмами (например, *Islamophobie, Integrationsverweigerer (Totalverweigerer) / Integrationsverweigerung, Fremdarbeiter*), метафорическим изображением политических тем (например, *ein Tsunami der Islamisierung rollt über unseren Kontinent*) и приданием им эмоционального характера.

Для аргументации модели 3 служат, по мнению И. Куявы, две стратегии — придание политическим темам эмоционального характера и стратегия самопрезентации и уничижения. Первая стратегия строится на оппозиции *wir — sie: Deutsche und Einwanderer, Ausländer und Deutsche, deutsche und türkische Vorstellungen, die richtigen und die falschen Frauen, intelligente Deutsche und ungebildete Muslime*. Вторая стратегия представляет доминирующую культуру, ее положительные аспекты; уничижительно изображается другая, чужая культура.

Последняя глава монографии посвящена интертекстуальному уровню интеграционного дискурса. Автор анализирует три метафорические модели, характерные для отдельного текста на интратекстуальном уровне:

- модель принятия (Aufnahmmodell);
- модель решения (Gestaltungsmodell);
- модель отказа (Ablehnungsmodell).

Основными действующими лицами модели принятия являются мигранты, которые принимаются в Германию, и сама Германия как целевая страна. Интеграция рассматривается как процесс, в котором участвуют две стороны (приглашающая и приглашенная):

eine offene Tür, Abenteuer Ausländerpolitik, wir sind über den Berg!

В модели решения участвуют только лица, (не)способные интегрироваться. Германия по-прежнему остается домом для всех, но она может и обнять, и пригрозить пальчиком, поставив условия, например, экзамен для кандидатов на получение гражданства (Einbürgerungstest): *Wer kriminell ist, muss weg; Rand der Gesellschaft.*

В модели отказа политическая идея интеграции терпит крах, от нее постепенно отказываются: *die Integration krank; sinnlose, ungeplante Reise, Integration-Blindflug.*

Эти три метафорические модели указывают на три линии в немецкой интеграционной политике 2006—2010 гг.

Лексический анализ охватывает три вида единиц: ключевые слова (Schlüsselwörter), политические лозунги (Schlagwörter) и окказионализмы (Ad-hoc-Bildungen).

Ключевыми словами И. Куява называет лексемы, которые в исследуемом материале встречаются с максимальной интенсивностью: *Integration, Multikulturalismus / multikulturelle Gesellschaft* и *Assimilation*.

Политический лозунг автор определяет как собирательный концепт, в котором концентрируются идеи или представления, оказывающие влияние на формирование общественного мнения или волеизъявления. И. Куява предлагает следующую классификацию политических лозунгов:

– обозначения общественно-политической идеи интеграции (*Einbürgerung, Willkommenskultur*);

– обозначения ФРГ и немецкого общества (*Traumland, Flüchtlingsparadies*);

– обозначения иностранцев, живущих в Германии, и людей с иностранными корнями (*Idealmigrant, Russlanddeutsche*);

– дихотомическое изображение немцев и иностранцев, живущих в Германии (*die arabische Welt und die westliche Gesellschaft*).

Также И. Куява предлагает классификацию окказионализмов:

– обозначения ФРГ (*deukische Generation* — ироничное наименование немецко-турецкого поколения в Германии);

– обозначения немецкой интеграционной политики (*Basta-Politik* — о политике против миграции);

– обозначения живущих в Германии иностранцев (*Karteileichen* — иронично о разрешении на пребывание для заявителей на статус беженца; *Parallelweltbewohner* — о неспособных интегрироваться иностранцах, которые живут изолированно от немцев).

Проблема мигрантов волнует сейчас не только Германию, но фактически весь мир. Исследование, которое провела Изабела Куява на немецкоязычном материале, можно экстраполировать на любой другой язык для стран, которых так или иначе касаются проблемы мигрантов. Наша рецензия знакомит русскоязычных ученых с взглядами германиста на интеграционный дискурс.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136—137.
2. Карасик В. И. Языковые ключи. — М.: Гнозис, 2009. 406 с.
3. Кубрякова Е. С. Язык и знание. — М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
4. Смирнов И. П. Порождение интертекста (элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б. Л. Пастернака). — СПб.: СПбГУ, 1995. 193 с.
5. Burger H. Mediensprache: Eine Einführung in die Sprache und Kommunikationsformen der Massenmedien. — Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2005. 486 s.
6. Dijk T. A. van. Discourse as structure and process. Discourse studies: A multidisciplinary introduction. Band 1—2. — London: SAGE Publications, 1997.
7. Dijk T. A. van. Dyskurs jako struktura i process: praca zbiorowa. — Warszawa: Wydaw. Naukowe PWN, 2001.
8. Kujawa I. Der politische Diskurs als Gegenstand der linguistischen Analyse am Beispiel der Integrationsdebatte in Deutschland 2006/2010 // Danziger Beiträge zur Germanistik. Band 46. — Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH, 2014. 234 s.
9. Stenschke O., Wichter S. Wissenstransfer und Diskurs // Transferwissenschaften. Band 6. — Frankfurt am Main: Peter Lang, 2009. S. 347—362.
10. Warnke I. Zur Integration von Kulturwissenschaft und Philologie in der Diskurslinguistik // Akten des 9. Internationalen Germanistenkongresses. — Paris, 2005; Bern, 2008. Bd. 5. S. 65—71.

E. M. Kakzanova
Moscow, Russia

POLITICAL LINGUISTICS IN MONOGRAPH BY IZABELA KUJAWA “POLITICAL DISCOURSE AS A SUBJECT OF LINGUISTIC ANALYSIS ON DEBATES ABOUT INTEGRATION IN GERMANY IN 2006-2010”

ABSTRACT. *This is a review of the monograph “Political Discourse as a Subject of Linguistic Analysis on Debates about Integration in Germany in 2006–2010” by Izabela Kujawa (Kujawa Izabela. Der politische Diskurs als Gegenstand der linguistischen Analyse am Beispiel der Integrationsdebatte in Deutschland 2006/2010 // Danziger Beiträge zur Germanistik. Band 46. Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH, 2014. 234 S.). The review discusses the views of the German scholar on integration discourse. The goal of this research is to describe discursive worldview that is understood as an integration of real events; the methodology of the research is based on qualitative and quantitative analyses on newspaper and magazine articles published in 2006-2010. The monograph studies integration discourse, which is a macro-discourse of public discourse of the multicultural epoch including several micro-discourses or interdiscourses (Islamic discourse – discussion of the role of Muslims in Germany, discourse of the dominant culture, discussion of the views of the German politician Thilo Sarrazin). The material for this research is made of 150 newspaper texts (editorials, comments and notes on integration). The frequent metaphorical models are analyzed that are typical of some texts (the model of acceptance; the model of decision; the model of refusal). Lexical analysis is applied to three types of units: keywords, political slogans and occasionalisms. Izabela Kujawa’s research methodology applied*

to German political discourse may be used to analyze any other discourse of the country affected by the problem of migration.

KEYWORDS: *political discourse; political linguistics; integration discourse; intertextuality; discursive worldview; review.*

ABOUT THE AUTHOR: *Kakzanova Evgeniya Mikhailovna, Doctor of Philology, Professor, Department of Foreign Languages, Faculty of Social Science and the Humanities, RUDN, Moscow, Russia.*

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. Diskurs // *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'*. — M. : Sovetskaya entsiklopediya, 1990. S. 136—137.
2. Karasik V. I. Yazykovye klyuchi. — M. : Gnozis, 2009. 406 s.
3. Kubryakova E. S. Yazyk i znanie. — M. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004. 560 s.
4. Smirnov I. P. Porozhdenie interteksta (elementy intertekstual'nogo analiza s primerami iz tvorchestva B. L. Pasternaka). — SPb. : SPbGU, 1995. 193 s.
5. Burger H. *Mediensprache: Eine Einführung in die Sprache und Kommunikationsformen der Massenmedien.* — Berlin ; New York : Walter de Gruyter, 2005. 486 s.
6. Dijk T. A. van. Discourse as structure and process. *Discourse studies: A multidisciplinary introduction.* Band 1—2. — London : SAGE Publications, 1997.
7. Dijk T. A. van. *Dyskurs jako struktura i process: praca zbiorowa.* — Warszawa : Wydaw. Naukowe PWN, 2001.
8. Kujawa I. Der politische Diskurs als Gegenstand der linguistischen Analyse am Beispiel der Integrationsdebatte in Deutschland 2006/2010 // *Danziger Beiträge zur Germanistik.* Band 46. — Frankfurt am Main : Peter Lang GmbH, 2014. 234 s.
9. Stenschke O., Wichter S. Wissenstransfer und Diskurs // *Transferwissenschaften.* Band 6. — Frankfurt am Main : Peter Lang, 2009. S. 347—362.
10. Warnke I. Zur Integration von Kulturwissenschaft und Philologie in der Diskurslinguistik // *Akten des 9. Internationalen Germanistenkongresses.* — Paris, 2005 ; Bern, 2008. Bd. 5. S. 65—71.